

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ЯПОНИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ:
ПОГРУЖЕНИЕ В НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ЯПОНИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ:
ПОГРУЖЕНИЕ В НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

УДК 008+94+821.521+811.521
ББК 63+70/79+81/83 (5Япо)
Л 59

Печатается по рекомендации Научной комиссии Восточного факультета СПбГУ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

И.С. Ибрахим, А.В. Филиппов

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор культурологии, канд. филол. наук Гуревич Т.М. (МГИМО МИД РФ),
канд. ист. наук Синицын А.Ю. (МАН РАН, Кунсткамера)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

докт. ист. наук Филиппов А.В. (СПбГУ),
канд. ист. наук Османов Е.М. (СПбГУ),
канд. филол. наук Ибрахим И.С. (СПбГУ),
канд. филол. наук Чиронов С.В. (МГИМО МИД РФ),
Линяев Д.В. (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова)

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Л 59 Лингвокультурная эволюция Японии в информационном обществе: Погружение в новую реальность. – СПб. – Изд-во ВВМ, 2018. – 274 с.

ISBN 978-5-9651-1213-5

В коллективной монографии представлен анализ актуальных проблем развития языка и культуры Японии в условиях информационного общества. Отображено многогранное влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на компоненты языковой системы. Подробно рассмотрена лексика (устная, письменная, механизмы словообразования, лексических заимствований и интернационализации языка). Отдельно затронуты аспекты современной литературы (жанры и новаторские подходы). Подчёркнута специфика преподавания и нюансов существования учебно-образовательной сферы прежде и при всестороннем распространении Ай-Ти (информационных технологий). Показана комплексная динамика и тенденции эволюции языка и культуры Японии на протяжении полутора веков (с революции Мэйдзи), при этом уделено особое внимание специфике процессов на рубеже XX-XXI веков.

Монография адресована востоковедам, студентам, аспирантам, а также широкому кругу читателей, интересующихся языком, культурой, политикой, прошлым и настоящим Японии.

ISBN 978-5-9651-1213-5

© Авторский коллектив, 2018
© СПбГУ, 2018
Все права защищены

ОСМАНОВ Е. М.

3.6. Учебные пособия как аспект идеологической обработки солдата в годы Мэйдзи.

ФИЛИППОВ А.В.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: От революции Мэйдзи к веку информационных технологий: веки в трансформации языка и национальной культуры.

ХРОНОПУЛО Л. Ю.

1.1. Англоязычные заимствования в электронном общении молодых японцев;

1.2. Современный эпистолярный текст в понимании японских исследователей;

2.1. Сверхкороткие рассказы современных писателей;

2.2. Лингвистические и графические эксперименты в «коротких историях»;

2.3. Японские городские легенды в Интернете.

Выражаем глубокую признательность всем, оказавшим помощь при подготовке данного издания. Авторский коллектив надеется, что в работе удалось отразить базовые, ключевые тенденции, хотя об этом лучше судить читателю. Как минимум, публикация может явиться стимулом для продуктивных дальнейших исследований по такой тематике. Настоящая работа подготовлена в рамках проекта «Лингвистическая эволюция в Японии в контексте развития информационно-коммуникационных технологий» (реализуемом на кафедре японоведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке компании JTI).

**ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:
От революции Мэйдзи
к веку информационных технологий
— веки в трансформации языка и национальной культуры**

В заключение следует сказать несколько слов о проделанной авторским коллективом работе. Главы монографии освещают отдельные аспекты ситуации в языке и культуре Японии, в условиях «информационного общества». Это определённый этап в истории развития мировой культуры. Для понимания сегодняшней Страны Восходящего Солнца следует наметить несколько штрихов, способных очертить и поступательные изменения в жизни этого социума в обозримом прошлом, в предшествовавшие полтора столетия. Именно данные перемены и сформировали базовые особенности нынешней японской культуры.

150 лет тому назад в Японии произошла буржуазная революция Мэйдзи, дав стимул для крайне интенсивного освоения иноземного опыта «Запада» и потребовав немалых усилий для должного позиционирования страны в международном мировом сообществе. Ныне всем привычны высказывания о сильных устоях традиций в Японии, о её передовом значении в современном мире. Кажущаяся противоречивость этих заявлений, тем не менее, вполне согласуется со всем ходом истории развития культуры этой страны — как с **политико-экономической**, так и с со-

циально-культурной точки зрения. Сегодня это тесно **связано с процессами интернационализации, глобализации, взаимной интеграции** совершенно различных некогда культур. В какой же степени последние полтора века повлияли на культуру социума и сам японский язык? Пониманию основных тенденций и темпов этих изменений вполне может помочь более пристальный взгляд на основные вехи японской истории с буржуазной¹ революции Мэйдзи 1867–68 гг.

Буржуазная революция вывела Японию в большой мир, оказавшись рубежом, отделяющим «строго традиционную Японию» от Японии современной. Не будем подвергать сомнению силу её традиций. Обратимся к пристальному рассмотрению того, как изменения в социально-экономическом строе и политике влияли на различные аспекты культуры. До сер. XIX в. Япония принадлежала исключительно к дальневосточному культурному ареалу. В XVII–XIX вв. географическую, островную изолированность усугубила и «политика национальной самоизоляции». Столь длительный отрыв от внешнего мира способствовал накоплению внутренних этнопсихологических резервов, которые помогли избежать порабощения державами и колониальной зависимости. С «выходом в большой мир» избежать опасности закабаления помогли и такие методы как возвращение шовинизма, национализма, активная

¹ Автор следует терминологии, сложившейся в советской исторической науке и порой игнорируемой в последние десятилетия. Чёткие терминологические стандарты способствуют выявлению логики в изложении истории (и напоминает о заслугах отечественных учёных, оттачивавших эту терминологию). Имеются в виду не только исторические термины, но и такие редко упоминаемые ныне сокращения как ГМК, НТР, ЭВМ, ЧПУ, НИОКР, СМИ и проч.

подготовка к внешней экспансии. При этом использовалось обращение к «уникальным японским традициям», которые активно насаждались в национальном самосознании (принципы конфуцианства, религии синто и проч.).

Канун буржуазной революции Мэйдзи, даже предшествовавшие полвека (**перв. пол. XIX в.**), как этап угасания феодализма, сопровождало развитие рыночных отношений в масштабах страны. Очевиднее становилось проявление товарной специализации регионов, укрепление товарных связей между ними. Сопутствовали тому и серьёзные социальные изменения. Существование системы «четырёх сословий» (военные – земледельцы – ремесленники – торговцы) оказалось под угрозой распада. Крестьяне не могли прокормить семью и обратились к отходническим промыслам в городах, а в деревне продолжало сокращаться производство основного общественного продукта — риса, падали налоговые поступления в казну, усугубляя ситуацию. Насильственное возвращение крестьян «в родную деревню» не спасало от проблем. Относительная централизация страны при сёгунах, согласно системе *бакухан*, предполагала определённый паритет власти центрального правительства и глав отдельных феодальных княжеств. В таких условиях отсутствие миграции в стране мешало процессам развития общенациональной, единой культуры и единого языка. Поэтому, **во-первых**, для этого этапа **наличие множества сильно отличающихся диалектов** было закономерным. А жёсткие рамки сословной системы, поддерживаемой и патриархальными принципами конфуцианства, обуславливали иные специфические черты япон-

ского языка того времени. К ним относится, **во-вторых**, множество языковых категорий, связанных с проявлением уважения к собеседнику (формы вежливости, направленности действия, различия в лексике и т. д.). И, **в-третьих** — сильнейшие различия в мужской и женской речи. Хотя сегодня все эти моменты и присутствуют в японском языке — но их проявления слабее не просто многократно, а, видимо, в десятки раз. Наконец, **в-четвёртых** — ограниченное распространение письменности. Владение ею предполагало принадлежность к определённой элите (пусть даже к таковой причислить и часть горожан — в отличие от крестьян). Это основные характеристики информационной среды и языковой ситуации в середине XIX века, накануне Мэйдзи. Ещё не было условий для повсеместной доступности рукописных либо печатных текстов. Появление первых печатных листов, сопоставимых со своего рода газетными изданиями — не означало распространения их в региональном, и тем более, национальном масштабе. Таковой Япония вышла к буржуазной революции, принесшей бурное развитие страны во многих отношениях.

По японской системе периодизации новая история **киндай 近代** охватывает период с революции Мэйдзи до окончания Второй мировой войны (сер. XIX – сер. XX в.). С американской оккупации страны в 1945 г. начинается **новойшая история гэндай 現代**, вполне отражая реалии эволюции японского общества. Но эти базовые исторические периоды вполне логично представить и более подробно, учитывая кардинальные изменения в жизни страны. В рассматриваемом контексте представляется уместным выделить в рамках новой и новейшей истории нижеследующие 6 этапов:

- ① втор. пол. XIX в. (начало буржуазной «модернизации» и прохождение домонополистической стадии развития);
- ② перв. пол. XX в. (развитие «модернизации» и период экспансии до поражения в 1945);
- ③ 1945–52 («шок» американской оккупации и всеобщей разрухи);
- ④ 1955–70 – «экономическое чудо» (период высоких темпов экономического роста и эффективного развития ГМК – государственно-монополистического капитализма);
- ⑤ 80–90-е годы XX в. (период средних темпов развития, экономики «мыльного пузыря» и усиления политической роли в мировом сообществе, очередного витка в развитии НТР – научно-технической революции);
- ⑥ современность (затянувшаяся стагнация с краткими этапами экономического оживления, стимулирование «интернационализации» во всех сферах, рост компьютеризации и удельного веса Ай-Ти – информационных технологий и систем электронной коммуникации).

Рассмотрение японской истории в таком преломлении органично вписывается в **представления об этапах развития средств производства в истории человечества. До революции Мэйдзи** страна находилась **на ремесленно-мануфактурной стадии**; при сохранении ремесленного производства наблюдалось и заметное развитие мануфактуры — как частной (крупных феодалов и оптовиков), так и казённой (государственной)². **«Модернизация» втор. пол. XIX в.** свя-

² См., напр.: Зенина Л.В. Японская мануфактура XVIII – перв. пол. XIX в. / Вестн. Ленингр. ун-та. Вып.3, №14. Л., 1979. С.38–43; Зенина Л.В. Японские историки о развитии мануфактуры в Японии XVIII – перв. пол. XIX в. / Вестн. Ленингр. ун-та. Вып.1, №2. Л., 1975. С.48–64.

зана с бурным развитием фабрично-заводского производства. Ускоренные темпы быстро вывели Японию на высокий уровень монополистического развития, обеспечившего возможность конкурировать с ведущими державами и войти в их число. Продолжение модернизации в **перв. пол. XX в.** предполагало **развитие отраслей промышленности**, призванных помочь в борьбе за сферы влияния, в экспансии, получении новых рынков сбыта. Шла дальнейшая **интеграция** Японии в мировое сообщество по пути **грядущей глобализации** — своего рода «**интернационализация**» в форме экспансии. Развивалась военное производство, внедрялись передовые технологии в тяжёлой индустрии, производстве средств производства. Ориентир на военные отрасли обусловило стремление к завоеваниям, новым рынкам сырья и сбыта. Впрочем, даже получив богатые нефтью территории в годы Второй мировой войны, японцы не смогли наладить добычу по вполне понятной причине — нехватка квалифицированных кадров на местах. Вплоть до оккупации Японии **ориентиры развития отраслей производства** преимущественно были направлены на **группу А в производственной сфере (тяжёлая и добывающая промышленность)**. «Экономическое чудо» вывело Японию на новый этап. Эпоха НТР способствовала широкому распространению ЭВМ, станков с ЧПУ (с числовым программным управлением), что подготовило вступление Японии (и остального мира) в эпоху Ай-Ти. **Ориентиры на экспорт во времена «экономического чуда»** сместили приоритеты к **группе Б производственной сферы (производство предметов потребления)**». Впрочем, производственная сфера (сфера услуг, либо «третичный» сектор по японской классификации **第三次産業**) был весьма важен и для Японии 60–70-х годов — в нём было занято до

40–50% работающих, а ныне — свыше 70%. Таким образом, приход эпохи информационных технологий в 90-е годы сместил экономические приоритеты в сторону производственной сферы — «третичного» сектора. Важность информационных технологий для производства и бизнеса — делает сферу коммуникаций родственной «третичному сектору», даже позволяет, пусть условно, поднять вопрос о «четвертичном секторе» экономики, связанном с коммуникациями, интернетом и компьютерами.

Теперь рассмотрим названные шесть этапов подробнее.

① Втор. пол. XIX – нач. XX века стали для Японии периодом небывалых темпов развития во всех сферах, получив вполне заслуженно определение «модернизации-киндайка 近代化». С учётом следующего очевидного рубежа («шока» американской оккупации и, вместе с тем, нового витка в восприятии западной и американской культуры) — уместно согласиться, что период продлился до 1945 г., когда в «модернизации» наступила новая фаза — «американизации». Поэтому сер. XIX – сер. XX в. в японской историографии именуется «новой историей» киндай, когда стремительно развивавшаяся страна сумела и войти в число сильных держав, и добиться неоспоримых успехов в капиталистическом развитии. Впрочем, это не означало отсутствия следов отсталости и полуфеодальных пережитков в отдельных сферах. Ситуация с распространением в стране элементов материальной культуры «Запада» всесторонне отражена в монографиях Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь³. С точки же зрения эволюции всего ком-

³ Имеются в виду три монографии, хронологически освещающие изменения в японской культуре на основных этапах ис-

плекса культуры, изменений в стандартах и нюансах поведения, «причѣсывания Японии под Запад» — неоценимый вклад в науку внесѣн рядом монографий А. Н. Мещерякова⁴. Именно в это время сформировались японская нация, которую мы сейчас знаем. Государство всячески поощряло эту тенденцию, способствуя оформлению жѣсткого режима, способного противостоять внешней угрозе. Япония смогла создать достойную базу для реального отпора державам (включая акты внешней экспансии ещѣ до войн с Китаем и Россией в 1894–1895 и в 1904–1905 гг.). Крестьянскую Японию времѣн сѣгунов сменило единое буржуазное государство, нередко применявшее якобы «традицию» для лучшего осознания подданными «уникальности и избранности». Феодалные устои и внешние культурные заимствования эффективно использовали в новых условиях, уже во имя укрепления агрессивного буржуазного национализма. Со втор. пол. XIX в. шли серьёзные изменения и в культурной сфере. Ускоренными темпами шло формирование национальной общности, появились **тенденции отхода от региональных диалектов, началось складывание единого языка.**

тории страны: 1) Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры (конец XVI – начало XX вв.). М.: Наука: ГРВЛ, 1986. С. 286; 2) Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. С. 249; 3) Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Культура послевоенной Японии. М.: Наука, 1981. С. 215.

⁴ См., напр.: Мещеряков А. Н. Книга японских символов. М.: Наталис, 2004; Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи его Япония. М.: Наталис, 2009; Мещеряков А. Н. Япония в объѣтиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010; Мещеряков А. Н. Статъ японцем. М.: Эксмо, 2012.

② **Первая половина XX в.** продолжала названные тенденции в условиях политики национализма и внешней экспансии. Тоталитарный режим японской государственной машины способствовал слаженному функционированию всех её механизмов, а диктаторские методы вынуждали каждого к повиновению. Идеологический диктат и силовые методы воспитания стимулировали проявление единообразия в поведении граждан. Существование цензуры, запрет политпартий, изменения в формах, методах и содержании школьных программ, развитие пропаганды и социальной демагогии в 30-х годах — способствовали длительному поддержанию жизнеспособности режима до 1945 г. Сегодня принято считать японцев пунктуальными, однако, как отмечал А. Н. Мещеряков, навыки прививали в сочетании с иными жестокими методами режима⁵. К этому времени относится и формирование привычки к деловому костюму и военной униформе, соответствующих причёсок и проч., о чём много говорилось в работах Е.М.Османова⁶. Сочетание методов тоталитарного режима с «традицией»⁷ оставило следы в национальных сте-

⁵ Подробнее см.: Мещеряков А. Н. Быть японцем: История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Эксмо, 2012, с. 137.

⁶ См., напр.: Османов Е.М. История становления японской императорской армии и флота: 1868–1894: диссертация на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. СПб, 2005. С.306.

⁷ Факты эффективного использования традиционных ценностей фашистским режимом и отражение этого в японоведных исследованиях тех лет – и поныне порою для некоторых учёных обращается в повод настороженно относиться к классике. Например, даже к уникальному труду о конфуцианстве: Радуль-

реотипах поведения. Объединение японцами «восьми углов света под одной крышей» хакко-итиу 八紘一宇, созыв совещаний Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания 大東亜共栄圏 (Дай Тоа кёэйкэн) для правительств покорённых стран, подобие единой политической партии в форме Ассоциации помощи трону 大政翼賛會 (Тайсэй ёкусанкай), создание «соседских объединений» тонари-гуми 隣組 (базовой обязанностью их членов была слежка за благонадёжностью соседей да своевременность доносов в надлежащие инстанции) — это некоторые из примеров совмещения на практике новой идеологии со старыми традициями в годы Второй мировой войны. Всё это способствовало появлению законопослушного японца как по духу, так и по форме (до её мельчайших деталей). Народ Японии, где основным видом производственной деятельности было заливное рисосеяние, отличается стойким «групповым сознанием». Нередко для обозначения «чувства группы» у японцев (да и иных народов Дальнего Востока) применяют странное для русского восприятия слово «группизм», хотя оно и отражает японское понятие дантай-сюги 団体主義. **Основное отличие японской культуры от «западной» связывают с групповым поведением в отличие от присущего европейцам и американцам индивидуализма, желая выделиться, отличаться от других**⁸. Для самих японцев проявления индивидуализма, напротив, не свойственны, являясь чем-то постыдным. Склонность к защите своей группы, отстаивание её интересов, готов-

Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1947. С.451.

⁸ См., напр.: Yamazaki Masakazu. Individualism and the Japanese: An Alternative Approach to Cultural Comparison/ Transl. by Sugihara Barbara. Tokyo: Japan Echo Inc., 1994.

ность до конца быть «винтиком и колёсиком в государственном механизме» — эти привычные японцам понятия (близкие к феодальным, ремесленно-цеховым) были закреплены ещё надёжнее, став неотъемлемой частью массового сознания. В этих условиях, **национальное радиовещание и СМИ существенно способствовали официальному оформлению и окончательному закреплению единого для страны стандартного японского языка хёдзюн-го 標準語**, оставив диалектам лишь второстепенную роль.

③ **1945 год** стал рубежом, означавшим по японским критериям наступление для страны «новейшей истории» *гэндай*. Важность этой вехи связана с поражением Японии в войне, постепенной репатриацией служивших долгие годы на завоёванных территориях, американской оккупацией и чередой противоречивых преобразований, происходивших до начала 50-х годов согласно диктату американского Штаба оккупационных войск. В целом, втор. пол. XX в. для Японии — это путь от ужасающей нищеты времён оккупации, через поразительное японское экономическое чудо — к стабильной благоустроенности жизни «второй экономической державы мира». «Шок» американской оккупации для Японии стал и очередным этапом воздействия культуры Запада и США. Время американской оккупации Японии (1945–51, или 1945–52) делится на 2 этапа. **Для начального этапа** (до 1948–49, кануна появления на Дальнем Востоке нового государства — КНР) были характерны устремления по созданию «новой, свободной Японии» наряду с желанием США навсегда вывести из числа сильных держав поверженного врага. Лозунг первых

лет '3-D' — предполагал проведение в Японии **демилитаризации, демократизации и декартелизации** (уничтожения концернов как экономической силы, развязавшей Тихоокеанскую войну с США). **Этап «обратного курса» наступил в 1948–49 гг.** Требовался новый верный партнёр (благонадёжный и в экономике) взамен социалистического Китая. Но часть проведённых преобразований отыграть назад не получилось (в Японии поныне действует «миролюбивая» Конституция 1947 г.). Попытка «поставить Японию на ноги» потребовала и усилий по преодолению пассивного саботажа первых лет оккупации, и разработки комплекса мер по оживлению и стабилизации экономики (оставшихся в истории связанными с «линией Доджа» и «миссией Шоупа»). Завершением периода американской оккупации стало заключение Сан-Францисского мирного договора 1951 г. (годом позже вступившего в силу) в нашей отечественной традиции именовавшегося сепаратным. СССР не был склонен следовать диктату США и послушно подписывать документ, должным образом не согласованный со страной Советов. Попутное следствие для России — отсутствие поныне мирного договора с Японией.

Комплекс послевоенных преобразований имел сильный привкус «американизации» культуры, став очередным периодом иноземных заимствований, к которым Япония неоднократно обращалась и прежде. В чреде реформ нашлось место **попыткам кардинальных реформ письменности.** В условиях оккупации обсуждался (некогда уже возникавший) вопрос об отказе от иероглифики с переходом на латиницу. Идея не была воплощена в жизнь —

ибо в японском языке много слов транскрибируемо одинаково (без иероглифа смысл либо выхолащиваем, либо неопределим). Реформу провели в ином ключе — в ноябре 1946 был принят **список «общеупотребительных иероглифов» тоё-кандзи 当用漢字** (всего 1850 иероглифов плюс ещё 92 для записи имён). Уточнение деталей потребовало ещё несколько лет, ряд таблиц-списков появился лишь в 1948–49 гг. Спустя десятилетия, в 1981 г. создали, как считается, более адекватный список из 2136 иероглифов для «повседневного употребления» дзёё-кандзи 常用漢字. С одной стороны, это положило конец спорам о возможном отказе от иероглифики. С другой стороны, привело к появлению «иероглифического минимума» при отказе от полного написания ряда знаков. Таким образом, реформа иероглифики стала неким «культурным рубежом», за порогом остался весь исторический пласт «старых иероглифов», знание которых перестало быть обязательным. Подобные реформы имели место и в других странах Дальнего Востока. И всегда предполагали некую культурную деградацию по сравнению с традицией. Для оценки «объёма потерь» — достаточно упоминания о полном словаре японской иероглифики под редакцией Морохаси Тэцудзи в 13 томах, содержащих 48 902 иероглифических знака⁹.

⁹ Дайканва дзитэн = Большой толковый японский иероглифический словарь: В 13 т. / Сост. МОРОХАСИ Тэцудзи. Токио: Дайсюкан сэтэн, 1971. 大漢和辞典。諸橋轍次著。全 13 卷。東京：大修館書店、昭和 46 年。

④ **В 50-70-е годы** (1955–70 — период высоких темпов роста¹⁰) Япония прославилась благодаря **«экономическому чуду»** — за счёт активизации процессов НТР, переориентации на производство товаров потребления, экспорта и эволюции сферы услуг («третичного» сектора). Причины роста экономики связаны и с низкими затратами (несопоставимая с Западом заработная плата), и с традиционным бытом (способствующим аккуратности), со скупкой лицензий и проч. Можно увидеть проявление «интернационализации» не только в привлечении иноземных работников, но и в **экспортно-ориентированной модели производства** Японии в те годы. По воле обстоятельств именно в 60-х годах Япония и США, наконец, смогли наладить обоюдовыгодный диалог благодаря пребыванию на посту посла в Японии известнейшего японоведа Э. Рэйшауэра.

На первый взгляд, этот этап не принёс кардинальных изменений в языковую культуру. Но именно тогда происходили процессы, в дальнейшем оказавшие важное влияние. Выделим два момента.

Первый — связан с тем, что при проникновении на зарубежные рынки с «товарами потребления» учитывался международный маркетинг и конкурентоспособность японской продукции. Японцы крайне внимательно относились к наименованию товаров, поставляемых за пределы

¹⁰ Подробнее см.: Филиппов А.В. Экономика, политика и социум Японии (втор. пол. XX – нач. XXI в.) – попытка периодизации // Японоведение сегодня (общество, культура, язык): Матлы росс. и яп. иссл., представленные в рамках мероприятий, посвящённых 120-летию со дня рождения Н. А. Невского (Issues of Japalogy = Вопросы японоведения №4). Коллективная монография: Том 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С.364–395.

страны. Так, порой не готовы были выпускать товар на внешний рынок, полагая слово неблагозвучным для иностранцев.

- 1) Например, в названии напоминающего жидкий йогурт напитка Calpis = Кальпис японцам чудилось сходство с cow-piss. В итоге, когда в начале 70-х всё же были начаты поставки в Северную Америку, напиток был переименован в Calpico = Кальпико (как более созвучное Coca-Cola).
- 2) Появились и **новые, ранее не существовавшие англоязычные наименования товаров**. Так, в 1979 г. первый портативный кассетный плеер корпорации Сони называли Walkman = Человек на прогулке (специально придумав слово), создав новый бренд. И подобных случаев, когда искусственно созданная лексика входила в широкое употребление, чрезвычайно много.

Второй момент — связан с развитием **телевидения**, ставшего новым инструментом в объединении нации и предвестником следующей эпохи — компьютерно-мобильной. Попробуем остановиться на истории его распространения чуть подробнее. Разработки технологии телевидения компанией NHK начались ещё в 1931, а уже в марте 1939 система телевидения прошла тестовые испытания. В 1953 на всю Японию было менее тысячи телевизоров, преимущественно в точках общепита и банных заведениях столицы. Цена «дикивинного» аппарата в 250 тыс. йен (на сегодня – ок. 2 200 долларов) была непомерна для среднего служащего с зарплатой в 30 тыс. йен в месяц. Японцы дивились на 'это радио', внутрь которого как-то 'попали люди'. Регулярное телевидение, начавшись в феврале 1953 — шло лишь 4 часа в сутки. Первым толчком к массовому распространению телевидения стал «бум

Митико». Митико, невеста наследного принца «из простонародья» (дочь президента крупной компании, но не аристократка) — вызывала бурный восторг простых японцев, мечтавших увидеть свадьбу по телевизору. И ко дню бракосочетания в апреле 1959 обладателями телевизоров в Японии оказались 2 млн. чел., сделав телевидение массовым. Практически тогда же, в 1953–54 были обеспечены возможности цветного телевидения, стартовавшего с 1960. К проводившейся впервые в Азии Токийской олимпиаде 1964 — японцы бросились покупать цветные телевизоры, желая увидеть Олимпиаду в красках. Телевидение как предшественник компьютеров объединило нацию и фактически навязало единую языковую культуру. Именно тогда **во всеобщем распространении стандартного языка хёдзюнго 標準語 (наддиалектного)** видную роль стали играть уже не только газеты-журналы и радиовещание (как в довоенное время), но и **телевидение**.

⑤ **80–90-е годы** принесли Японии, наконец-то, успехи уже и во внешней политике. Благодаря премьеру Накасонэ Ясухиро — более значимая роль в рядах «большой семёрки», усилия по присоединению к НАТО, новый для Японии, почти панибратский имидж, диалог «почти равных» в общении с президентом США Рональдом Рейганом (взаимное обращение «Рон-Ясу» — ранее неприемлемое в изысканно-вежливой японской культуре). Именно признания политической роли в мире Японии и не хватало, несмотря на экономическую мощь. После конъюнктурного всплеска экономики «мыльного пузыря» 1986–91 пришло замедление темпов её роста¹¹. На фоне постепенного перехода к

¹¹ Там же, с. 369.

новому этапу НТР, связанному с компьютерами и информационными технологиями — в семьях простых японцев набирало силу повальное увлечение электронной техникой.

Если в начале 60-х годов появилось понятие *тэрэбикко* (ребёнок, безотрывно привязанный к телевизору), то 80–90-е принесли новый формат детских развлечений — *фамикон* (family computer, если номинально — семейный компьютер). В реальности так называли игровые приставки к телевизору, крайне притягательные для детей. Как увлечение телевидением, так и распространение компьютерных игр оказали серьёзное воздействие на падение уровня образования и интереса к учёбе. Несколько позже новым увлечением явились 'личные компьютеры', планшеты, мобильные телефоны, смартфоны и проч. **Существенный технологический прорыв, связанный с компьютерами — оказал разнонаправленное влияние на японский язык, особенно — на отношение к письменности.** Стало фактически ненужным умение написать иероглиф – при использовании компьютера достаточно выбрать вариант из предложенных. В целом, падение уровня образования – логичное следствие роста технической оснащённости, которая лишь усилилась на рубеже веков.

Остановимся особо на некоторых деталях распространения компьютерных технологий в Японии. С компьютерами связаны предпосылки современной ситуации — особенностей японского языка как средства письменного общения и «выхода в мир». Предшественником персональных компьютеров в Японии были «текстовые процессоры» *ва-пуро* (англ. word-processor стало сокращением). Первый из них JW-10, адекватно работавший с японским языком, выпустила компания Тосиба в 1978. Его цена впе-

чтляла — 6,3 млн. йен (на сегодня ок. 55 тыс. долларов, при тогдашнем курсе ок. 20 тыс. долларов); о цветном дисплее тогда и не мечтали. Производство *ва-пу*ро в Японии прекратили в 2001 ввиду падения продаж на фоне популярности компьютеров (в США в 2009 две компании ещё производили эту технику). Развитие компьютеризации в Японии сер. 90-х представляло **конкуренцию трёх компьютерных систем**. Во-первых, чисто японские компьютеры, известные как «серия PC-98» (PC-9800 シリーズ) производства компании NEC и выпускавшиеся в 1982-99 (2000). Во-вторых, компьютеры Mac/Apple, также имевшие свою нишу (несерийный Apple I создан в 1976, а серийный и популярный – первый персональный компьютер мира Apple II вышел в 1977). И, наконец, в-третьих, IBM-совместимые модели (IBM 対応), некогда известные как IBM PC, появление которых относится к 1981, а затем их модификации XT/AT (с 1983 и 1984 соответственно). Началу успеха Ай-Би-Эм моделей обеспечила первая версия графического интерфейса Windows в 1985, а популярность пришла с версиями Windows 3.0 и 3.1 (в 1990 и 1992). **Развитие интерфейса Windows и компьютеров стало толчком для дальнейшей интернационализации** в общении. Ранние версии поддерживали лишь два языка, не более. Английский в основе операционной системы плюс второй character-set для «локализации» под страну применения. Совмещение трёх языков было практически невозможно. Пример из тех лет связан с последними монографиями В.Н. Горегляда, набранными шрифтом, где на месте английских символов стояли русские буквы (изд-во Петербургское Востоковедение столкнулось с этими проблемами в 90-е годы). Для Японии и стран Дальнего Востока необходимость иероглифики в основе операционной системы — делала задачу на порядок сложнее. Управление компьютером определяла установка операционной системы DOS, но для Японии он был непригоден из-за отсутствия иерог-

лифики в основе. Вместо неё применили японскую DOS/V (произносилось как «досу буй»), программы для IBM-совместимой техники и называли «досу буй тайо DOS/V 対応» (а не только IBM 対応). Впоследствии стали говорить о Windows-совместимых компьютерах и программах. Проблемы локальных языковых версий систем с иероглифической связаны с тем, что недостаточно стандартной кодовой таблицы символов (для алфавитов европейских — 256 знаков, 128 на англ. знаки, ещё 128 для локального, местного языка, напр., русского); стандарт — это однобайтовая, или 8-битная, кодировка. Для иероглифики применяют таблицы символов с двухбайтовой (2 バイトコード), 16-битной (16 ビット) кодировкой, где знакомест уже 65 636, т.е. вполне достаточно для размещения тысяч и десятков тысяч иероглифов. Прорывом в проблеме «двуязычных» компьютеров стало появление в 1995 многозадачной системы **Windows-95**; где можно рассчитывать на три и более языков в тексте. Поддержке многоязычности помогло появление с 1991 кодировки Юникод, а затем такого Юникод-формата как UTF-8. Ранее использование русских букв в японской языковой среде (японские Windows) означало буквы из японского шрифта. Они как иероглифы по очертаниям стремились к квадрату — были чрезмерно широки. Буквы же в европейских языках имеют «половинную» ширину, визуально более «стройны». По-японски говорят о символах «полноширинных, в полную ширину» дзэнкаку 全角 (двухбайтовых) для иероглифов и узких «полуширинных, в половину ширины» ханкаку 半角 для стандартных алфавитов. Издания 90-х годов с русским и японским языками отличала странность в излишней ширине русских букв.

Подлинно «многоязычную гармонию» принесла система Windows-7 (версии Ultimate=Максимальная), вышедшая в 2009. Новые возможности применения ряда

языков позволили почти «на лету» менять локальный язык меню и даже системных шрифтов, лежащих в основе системы. Это дало шансы лучшей совместимости с локальными, местными версиями программ даже в среде японских Windows. Хотя для японцев предпочтительнее, чтобы устанавливаемая под японскими Windows дополнительная программа имела и английский интерфейс (а не только русский, немецкий, французский). Ибо английский лежит в основе операционной системы и не войдёт в противоречие с японской средой (японским окружением). Позднейшие Windows 8 и 10 – лишь дальнейшее развитие принципа многоязычности и интернациональности, в т. ч. с опорой на Юникод-кодировки. Но **применение компьютеров — по сути, поддержало сокращение используемых иероглифов.** Буквенный ввод иероглифики с клавиатуры с последующим выбором иероглифа из ряда одинаково читаемых — предлагает лишь ограниченный их набор, наиболее частотный. Пользователя не отягощают большим выбором, предлагая лишь иероглифику из так наз. «первого ряда» 第一水準. Учитывая, что возникает и необходимость в редких иероглифах — был сформирован «второй ряд-уровень» 第二水準, активно применявшийся даже до Windows-95. Ввод иероглифов 2-го ряда предполагает знание кода конкретного знака (по кодировке JIS, Shift-JIS либо 区点), либо рукописного ввода мышью. Хотя 1 и 2 ряд не покрывали всех потребностей — однако, возможность прописать шрифты для 3 и 4 ряда (第三・第四水準) была реализована лишь в 2000 году (впрочем, набор уточнялся в 2004 и 2012). Если 1-ый ряд включает 2 965 знаков, 2-ой — 3 390, 3-ий — 1 259, а 4-ый — 2 436, плюс неиероглифические знаки — 1 183; то всего, на сегодня, 11 233 знака. Это несравнимо меньше, чем в словаре Морохаси из 48 902 иероглифов; так что далеко не любое издание на сегодняшний день может быть подготовлено на компьютере. Для поиска кода иероглифа, отнесённого ко 2, 3, 4 ряду

наиболее удобны словари, именуемые «*Ва-пуро дзитэн*»¹², напоминая о машинах — текстовых процессорах *ва-пуро*. Названный JIS-код используем и в электронных словарях типа Ex-Word, и даже справочно приводится в современных серьёзных иероглифических словарях, изданных на бумаге.

⑥ **Пропаганда интернационализации-кокусайка 国際化** в Японии с 90-х годов шла параллельно с ослаблением системы традиционного менеджмента (за изучение и внедрение коего как раз тогда взялись страны Запада), углубились и процессы разложения традиционных японских культурных ценностей. Этап **с 90-х годов XX в. до второго десятилетия XXI в.** поставил две новые проблемы. Первая — непреходящая «дурная конъюнктура» и отсутствие подъёма в экономике, сдерживание потребностей и отказ от привычной благоустроенности. Вторая — очередной **прорыв в сфере информационных технологий** дал толчок **новым тенденциям в культуре и языке**. Но издержки «компьютеризации» жизни привели и к осложнениям – как физиологическим, так и социальным. Воздействие информационных технологий в бытовой сфере, культуре и языке затронуло даже здравоохранение. С 90-х годов в Японии возникла проблема деформации больших пальцев рук у любителей текстовых СМС-сообщений на мобильных телефонах. Растёт число заболеваний шеи и позвоночника, локтей и кистей рук у лиц, связанных с компьютерами. Подмена живого общения компьютерным привела к небывалому росту числа затворников *хики-комори* 引き籠り,

¹² См., напр.: Консайдзу *ва-пуро кандзи дзитэн* = Компактный 'ва-пуро' словарь иероглифов. Токио: Сансэйдо, 1994. С. 851. *コンサイスワープロ漢字辞典*. 東京:三省堂、1994年。

месяцами и годами не покидающими своего дома. Нечего и говорить, что японский язык у таких лиц также обретает специфику, как и их культурная среда, значительно отличающаяся от мира обычных людей.

Последний рывок в развитии систем коммуникации обеспечил развитие компьютерных социальных сетей, а затем **распространение их в сфере мобильных устройств** (ноутбуков, планшетов, смартфонов и проч.). Для понимания значимости прорыва — стоит иметь в виду, что ещё в Японии перв. пол. 90-х годов из мобильных устройств распространены были лишь покэ-бэру (pocket-bell). Чуть позже в России их знали как пейджеры¹³. Звонивший на пейджер диктовал оператору устное сообщение для абонента. На раннем этапе предполагалось по получении абонентом оповещения — позвонить оператору; впоследствии сообщения стали поступать на экран пейджера в виде текста. На день сегодняшний, развитие информационных технологий, коммуникационных систем и социальных сетей, возможностей веерных рассылок по электронной почте — обусловили появление новых лексических пластов и новой языковой стилистики в письмах, блогах, при общении в соцсетях. Если ранее изучение сленга требовало длительного отбора данных, то ныне стал доступным огромный пласт таких текстов и рассылок. Всё это несёт **видимые изменения в языке, его лексике, стиле, даёт начало новым речевым и письменным жанрам**, многократно

¹³ По сообщению ТАСС от 3 декабря 2018, с сентября 2019 Япония полностью отказывается от обслуживания полутора тысяч абонентов с пейджерами, оставшихся только в компании **Tokyo Telemesssage**. Таков финал в полувековой истории «динозавра мира гаджетов» (крупнейшая телефонная корпорация NTT запустила их в 1968, а в 2007 прекратила поддержку); некогда (в 1996) ими пользовалось больше 10 млн. чел. URL: <https://www.tass.ru/obschestvo/5863577> (Дата обращения 03.12.2018).

увеличивает обращение к **языковым заимствованиям**. Нередко приводит к **«чрезмерной интернационализации»**, идущей в ущерб японской культурной и языковой уникальности.

Витки истории экономики весьма чётко соответствуют этапам трансформации культуры Японии и её **«интернационализации»** за последние полтора столетия. Можно предложить несколько примеров-иллюстраций, показывающих объективные **причины для внешних культурных заимствований**:

- 1) эмиграция японцев со времён революции Мэйдзи (в надежде на заработки за пределами страны);
- 2) агрессия на Дальнем Востоке с одновременным неким приспособлением к культуре этого региона;
- 3) попытки возвращения потомков японцев-эмигрантов *никкэйдзин* 日系人 во втор. пол. XX в. выявили невозможность вписаться в рамки жизни на родине, но оказали «внешнее» воздействие на национальную японскую культуру;
- 4) ОПР (Официальная помощь развитию; ODA = Official Development Assistance) — часто программа для регионов, пострадавших от японской агрессии во Вторую мировую войну – не только проводник японской культуры в мире, но и путь для проникновения в Японию иноземной культуры через вовлечённых в ОПР сотрудников-японцев,
- 5) взаимодействию с мировой культурой помогла и принятая с 70-х годов диверсификация сырьевых рынков (начиная с нефтяных кризисов), и поиск новых рынков сбыта.

Даже за последние 50-60 лет (уж не говоря о полутора столетиях) Япония прошла длинный путь — от нищеты и разрухи, через период «экономического чуда» и пришедшего процветания до очередного застоя. **Исторические события непосредственно влияют на культуру, язык, речевые формы и даже на антропологию.** Для своевременной реакции на изменения в культуре и языке Японии — необходимо постоянно держать руку на пульсе перемен, происходящих в экономике и истории страны. **Пример развития информационных технологий очень рельефно иллюстрирует происходящие в Японии перемены. Опасность разучиться писать иероглифы — не за горами.** Япония всё более интегрируется в мировую культуру, но неизбежно теряет очень многое в самобытности. Размывание устоев национальной японской культуры, столь интересной для Запада и России — заставляет тем внимательнее заниматься её изучением сегодня, поскольку завтра японская культура и язык вновь могут стать иными, потеряв ещё одну грань своей уникальности.

Авторы настоящей коллективной монографии предполагали наметить общие подходы к оценке лингвокультурной ситуации в современной Японии. Однако понятно, что в этом направлении сделаны лишь некоторые шаги. Стремительные перемены в жизни общества требуют продолжения исследований, более детализированных и подробных. А предложенный вниманию читателя материал призван способствовать лучшему осознанию перспектив и дальнейших тенденций в эволюции языка, культуры и общества Страны Восходящего Солнца.

Сведения об авторах

АФФИЛИАЦИЯ

АРАКАВА Ёсико – кандидат филологических наук, доцент, кафедра японоведения СПбГУ

БОРИСОВА Анастасия Анатольевна – ассистент, кафедра японоведения СПбГУ

ИБРАХИМ Инга Самировна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра японоведения СПбГУ

ИССА Надия Хассан – старший преподаватель, кафедра японоведения СПбГУ

ЛЕЛЕНКОВА Анна Викторовна – ассистент, кафедра японоведения СПбГУ

МАЛАШЕВСКАЯ Мария Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки

ОСМАНОВ Евгений Магомедович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки

ФИЛИППОВ Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, кафедра японоведения СПбГУ

ХРОНОПУЛО Лиала Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра японоведения СПбГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	03
Глава 1. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЛЕКСИКУ	12
1.1. Англиязычные заимствования в электронном общении молодых японцев	12
1.2. Современный эпистолярный текст в понимании японских исследователей	26
1.3. Неологизмы эпохи Мэйдзи как зеркало общества	42
1.4. Неологизмы в японской поп-музыке	54
1.5. Модные слова как отражение жизни и сознания общества	66
1.6. Механизмы словообразования в японском молодежном языке... ..	80
1.7. Язык политической блогосферы	100
Глава 2. ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	136
2.1. Сверхкороткие рассказы современных писателей	138
2.2. Лингвистические и графические эксперименты в «коротких историях»	160
2.3. Японские городские легенды в Интернете	164
Глава 3. ПРЕПОДАВАНИЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	178
3.1. Передовое программное обеспечение в процессе преподавания языка	178
3.2. «Чтение прессы» в подготовке устных переводчиков	185
3.3. Особенности преподавания общественно-политических текстов	190
3.4. Онлайн-словарь акцентуации OJAD в преподавании	218
3.5. Проблемы при разработке онлайн-курса японского языка	224
3.6. Учебные пособия как аспект идеологической обработки солдата в годы Мэйдзи	233
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: От революции Мэйдзи к веку информационных технологий — вехи в трансформации языка и национальной культуры	248
Сведения об авторах (АФФИЛИАЦИЯ)	272

Научное издание

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЯПОНИИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ:
погружение в новую реальность**

МОНОГРАФИЯ

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Издательство ВВМ»
Технический редактор Р. Н. Беркутов
Дизайн: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов
Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 15.12.2018 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,89. Тираж 100 экз.
Заказ № 732

Отпечатано в ООО «Издательство ВВМ»,
198095, Санкт-Петербург, ул. Швецова, дом 41
тел. 8 (901) 306-6254